

АЛЕКСАНДР СТЕГНИЙ,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

**Тенденции развития ассоциативных групп интересов
(на примере экологического движения в Украине)**

Abstract

The article deals with the tendencies of present-day environmental movement in Ukraine as a kind of associated interest groups. The author gives a brief history of origination and development of this movement as well as analyses its distinguishing characteristics as to a new participant of political life. A special attention is focused on the analysis of possible strategies in the development of environmental movement in a long-term outlook.

Ассоциативные группы (associational groups) создаются непосредственно для того, чтобы представлять интересы определенной категории граждан. К таким группам относят профсоюзы, коммерческие, этнические и религиозные объединения. Особым подвидом ассоциативных групп являются гражданские объединения, добровольные ассоциации и другие группы, призванные представлять интересы граждан в социально-политической сфере жизнедеятельности общества. Перечисленные организации располагают достаточно четкими процедурами для артикуляции интересов и требований и, как правило, имеют штат постоянных сотрудников-специалистов. Наличие организационной базы дает ассоциативным группам интересова преимуществва перед неассоциативными группами, кроме того, их методы и цели часто признаются в обществе легитимными. Артикулируя широкий круг групповых интересов, ассоциативные группы способны ограничить влияние неупорядоченных, неассоциативных и институциональных групп.

Экологические движения являются разновидностью ассоциативных групп, включая граждан, объединенных не общностью экономических или

индивидуальных узкогрупповых интересов, а определенной политической идеологией или убеждением в необходимости реализации конкретной политической цели [1]. Экологическое движение, в частности в Украине, является псевдогруппой в том смысле, что его члены могут редко непосредственно взаимодействовать между собой и не иметь общих социальных характеристик вроде профессиональной или этнической принадлежности.

Проблемы, поднятые движением за чистую окружающую среду, связаны с изменяющимися границами между общественной, личной и социальной жизнью, а также с борьбой против старых и новых форм господства в этих сферах.

Социальные движения правомерно разделять на две большие типологические группы: стремящихся к приумножению благ и их справедливому распределению и борющихся за уменьшение рисков и сохранение среды обитания. В основе экологической солидарности лежит осознание людьми угрожающих им опасностей и рисков. Появление экологического движения как формы коллективной рефлексивности стало ответом на неадекватность институциональной рефлексии на производство рисков.

Реалии развития постсоветского общества объективно требуют расширения концепции рисков У.Бека. В частности, речь идет о социогенных рисках, которые в отличие от техногенных рисков, имеющих преимущественно технологическое происхождение, возникают вследствие функционирования собственно социальной системы. Источником такого рода рисков являются нарушения социального порядка, независимость социальных изменений от действий не только собственно реформаторских сил, но и остальных социальных субъектов, функционирующих в дезорганизованной институциональной среде [2, с. 101–105].

В современном украинском обществе фактически происходит торможение поступательного движения, направленного на модернизацию западного образца, что приводит к демодернизации с высоким уровнем рисков. Недооценка разрастания искусственной среды повседневной жизни и необходимости соответствующего уровня поддержки ее рабочего состояния неизбежно приводит к возрастанию рискогенности не только сложных технологических производств, но и ординарных объектов коммунального хозяйства¹.

В экологической сфере рискогенность украинского государства проявляется в том, что превалирующим фактором экологической государственной политики является перманентная ликвидация последствий экологических аварий, а не устранение причин их возникновения. Это объясняется спецификой культурных традиций, унаследованных от советского общества. Если западная культура во многом основывается на рационализме, предполагающем осознание и заведомую оценку риска каких-либо социальных действий, то постсоветская культура, по сути, является не столько рефлексивной, сколько реактивной. Чернобыльская катастрофа показала, что реакция на риск имеет замкнутый характер, что отнюдь не содействует фор-

¹ Убедительным подтверждением тому является разрыв тепловых сетей в городе Алчевске Луганской области в январе 2006 года. В результате этой аварии все население города (без малого сто тысяч человек) в течение нескольких недель оставалось без тепла в сильные морозы. При этом сама авария была прогнозируема ввиду степени изношенности сетей и бездеятельности местных органов власти.

мированию в обществе новых культурных стереотипов, готовящих его акторов к адаптации к рискогенной среде.

В обществе социогенных рисков экологическое движение является институционально необходимым, поскольку его наиболее активные представители опережают экспертов в решении отдельных экологических вопросов, которые с точки зрения специалистов выглядят второстепенными.

Экологическое движение как нового участника политической жизни характеризуют четыре признака. Во-первых, постоянная мобилизация, связанная с низким уровнем формального характера социальных движений и, в силу этого, опасностью исчезновения движения, а также с необходимостью постоянного поиска новых участников. Во-вторых, непрерывность движения (в течение нескольких лет и более), что позволяет отличать социальные движения от более или менее массовых эпизодических социальных протестов (митингов, демонстраций). В-третьих, незначительное распределение ролей между участниками, руководителями, рядовыми членами движения и сочувствующими, что позволяет отделить социальные движения от партий с бюрократическим аппаратом управления, хотя и в экологическом движении существует определенное распределение ролей и, соответственно, структура власти. В-четвертых, направленность на фундаментальные общественные изменения, отличающая экологическое движение от субкультурных явлений, имеющих все вышеперечисленные признаки движения.

Следует отметить, что сам факт существования социального движения является недостаточным для достижения поставленной цели. Проблема состоит в том, что, с одной стороны, без доступа к политической системе и влиянию на процесс принятия решений социальное движение обречено на неудачу, а с другой стороны, открытый доступ к политической системе подрывает собственно самостоятельность движения. Поэтому успех экологического движения возможен тогда, когда в результате его деятельности происходит доступ экологической общественности к процессу разработки и реализации политических решений, изменяется форма политики или осуществляются соответствующие общественные реформы.

Для корректного социологического анализа экологического движения в Украине следует признать тот факт, что его становление в постсоветском геополитическом пространстве существенно отличается от развития этого движения в современном западном обществе. В условиях, когда преемственность с движениями прошлого прервана господствующим режимом, а защита природы была запрещенной темой публичного дискурса, экологическое движение могло возникнуть только в среде, воспроизводящей группы экологических активистов.

Такой средой для экологического движения Украины стала система экологического воспитания, образования и обучения, которая позволила обеспечить активистов соответствующими необходимыми знаниями, передать им практические навыки природоохранной деятельности, то есть содействовала процессу легитимизации экологических ценностей предшествующих поколений. Поэтому особенностью экологического движения в Украине является его тесная связь с интеллектуальной средой и его зависимость от создания и распространения в обществе экологического знания.

Современное экологическое движение Украины берет свое начало в движении природоохранных дружин, которые в середине 80-х годов XX сто-

летия действовали практически на всех биологических факультетах университетов и педагогических институтов. Сеть дружин по охране природы, будучи элитарным (университетским) образованием, уже представляла собой заметное социальное движение. По некоторым данным, в этот период в вузах Украины насчитывалось 40–45 таких дружин [3, с. 7].

В этот период главным продуктом развития экологического движения в Украине были сами экологические организации, становление их инфраструктуры и лидеров. Административно-командная система позволяла существовать организациям зеленых, но не рассматривала их как партнера и тем более как альтернативу политическим структурам в экологической сфере. Тогда складывались предпосылки для следующей стадии развития экологического движения, формировалось проэкологическое общественное мнение.

В период со второй половины 1980-х до начала 1990-х годов в Украине происходит бурное развитие экологического движения. Этот этап правомерно назвать стадией массовой мобилизации и консолидации. Во многих городах Украины проходили экологические митинги протеста, ставшие наиболее удобной формой артикуляции идей. Митинг был традиционной и санкционированной формой коммуникации советских людей, а в период ослабления традиционных ценностных систем, политической нестабильности и социальной разобщенности выполнял функцию социальной интеграции.

В конце 1980-х годов экологические требования стали неотъемлемой частью общедемократического протеста. Массовой базой экологического движения стали гражданские инициативы, аккумулировавшие предшествующую активность и сконцентрировавшие единомышленников, что послужило необходимыми предпосылками последующей мобилизации ресурсов [4]. Во многих областях Украины возникли группы экологического движения, которые, как правило, концентрировались на решении актуальных экологических проблем локального масштаба [5, с. 14]. Экологическое движение достаточно быстро и, главное, естественно влилось в массовое демократическое русло, чему содействовал ряд причин.

Акции экологического протеста были, по сути, первыми акциями общедемократического протеста; экологически ориентированные гражданские инициативы практиковали двойное членство: в отдельной экологической общественной организации и в местных и региональных массовых движениях демократической направленности; в этих движениях экологические активисты действовали и как эксперты, и как советники; лидеры демократического движения, осознавая высокий рейтинг “зеленых” в массовом сознании и экологическую обеспокоенность населения в первые постчернобыльские годы, для достижения своих целей охотно выступали под экологическими лозунгами.

Открытая борьба новосозданных экологических неправительственных организаций (экоНПО) против существующей социально-политической системы значительно стимулировала осознание населением важности защиты среды своего непосредственного проживания. Именно в этот период возле всех украинских АЭС развернулись широкие акции протеста. Под давлением общественности руководство Украины пересмотрело программу развития атомной энергетики. В результате в 1990 году прекратилось финансирование строительства атомной станции в Чигирине Черкасской области, атомных станций теплообеспечения вблизи Харькова и Одессы [6, с. 64].

В этот же период в результате массовой мобилизации объединились экоНПО и местные движения. Начался интенсивный процесс организационного объединения общеукраинского экологического движения с использованием двуединого механизма формирования экологической общности — «концентрации–децентрализации». Местные экологические группы содействовали формированию массового экологического движения, которое, в свою очередь, содействовало формированию и легитимности новых экоНПО на местном уровне. В результате в 1989 году была создана и официально зарегистрирована общенациональная экологическая организация «Зеленый свит».

Однако последующий ход событий показал, что возрастание общественного внимания к экологической проблематике во второй половине 1980-х годов не столько было следствием развития экологизации массового сознания, сколько объяснялось ситуативным стечением обстоятельств социально-политической жизни. Речь идет о рефлексии украинского общества на Чернобыльскую катастрофу; общенародной поддержке идеи национальной независимости; политической новизне идеологии «зеленых» в условиях становления многопартийной политической системы.

На начальном этапе создания многопартийной политической системы в Украине декларирование необходимости решения актуальных проблем на определенное время объединило достаточно различные политические силы, которые признавали важность экологических задач в иерархии общественных ценностей. Будучи направленной на решение общечеловеческих проблем, нередко витального характера, «зеленая» идеология консолидирует людей на основе универсальных морально-этических мировоззренческих принципов.

В начале 1990-х годов начался процесс организационного оформления новых политических партий Украины и значительная часть социально активных граждан составила их массовую базу. Не минула этой участи и первая общенациональная организация «Зеленый свит»: наиболее политизированная часть ее членов создала Партию зеленых Украины (ПЗУ). В этот же период обозначилось начало кризиса экологического движения, первым признаком которого стал провал кандидата от ПЗУ на первых выборах Президента Украины: сторонникам зеленых не удалось даже собрать 100 тысяч подписей для поддержки своего кандидата.

Падение интереса электората к экологическим проблемам произошло на фоне углубления экономического кризиса в стране, возрастающей социально-экономической дезинтеграции, разочарования в парламентаризме и, особенно, в депутатском корпусе демократической ориентации. Отсутствие реальных результатов в экологической сфере породило пессимизм в общественном мнении относительно возможности улучшения состояния окружающей природной среды, а общественная экологическая деятельность стала восприниматься как один из возможных способов прикрытого карьеризма.

Ослабление позиций экологического движения на политической арене Украины стало также результатом разной политической направленности экологических организаций и недостаточной разработанности системы идейно-теоретических оснований экологического движения в период социальной трансформации; трудностей выбора стратегических политических союзников; отсутствия общенационального лидера; неопределенного отношения движения к властным государственным структурам уже независимой Украины.

В начале 1990-х годов в экологическом движении возникла “новая волна” экоНПО в условиях возможности получения западной материальной помощи для реализации экологических проектов. В условиях отсутствия реальной поддержки экоНПО со стороны новых властных структур эта помощь, по сути, стала определять цели и приоритеты деятельности многих организаций зеленых Украины.

Самосохранение экологического движения в Украине основывается также на трансформации его в сеть экоНПО, интегрированных в международные экологические сообщества. Множественная афiliation экоНПО и многопрофильность их деятельности повышают устойчивость этих организаций в условиях “враждебного” антиэкологического социального контекста.

Для украинских экоНПО последнего десятилетия характерно расхождение между декларируемыми целями и реальными формами активности. Причины данного противоречия состоят в политическом конформизме, рассматриваемом как ресурс самосохранения и выживания: многим организациям пришлось редактировать свои уставы с целью получения доступа к западным финансовым источникам.

Своеобразной формой самосохранения являются менеджерские и посреднические формы деятельности активистов экологического движения, направленные на поддержание статуса и престижа своей организации и получение ресурсов¹.

Преобладающий интерес активистов экоНПО к экологическому просвещению и образованию и к охране природы свидетельствует о профессиональной однородности этих организаций. Данное обстоятельство предопределяет во многом развитую сеть коммуникаций организаций зеленых Украины со своей порождающей средой — учебными и научными заведениями — и потребность в развитии связей с профессиональными партнерами — преподавателями и научными сотрудниками указанных заведений.

Смещение центра активности в сферу природоохранных и экологических образовательных программ можно объяснить особенностями деятельности украинских экоНПО в условиях посттоталитарного общества. Систематический дефицит ресурсов приводит к тому, что критериями выбора профилирующей деятельности для них становятся не общественные потребности и не внутренние убеждения лидеров этих организаций, а, в первую очередь, возможности и требования участия в фандрайзинге. Кроме этого, на выборе сказываются традиционно и профессионально отработанные формы социальной деятельности экологического движения советского периода и определенная ограниченность публичных действий современных зеленых.

Преобладание указанной сферы деятельности свидетельствует о стабильности экологических сетей и их малой чувствительности к воздей-

¹ Основанием для подобного вывода служат результаты включенного наблюдения автора в ходе консультационных совещаний-семинаров относительно внедрения Национального плана действий по охране окружающей среды и здоровья. Подобная форма риск-рефлексии самосохранения достаточно четко просматривается также на стадии переговоров между наиболее влиятельными украинскими экологическими неправительственными организациями по вопросу создания коалиции “Общественность за новую экологическую политику”.

вию изменяющегося социального контекста. Вместе с тем подобная устойчивость и сопротивляемость внешним вызовам объясняются тем, что сети экоНПО, очевидно, представляют собой закрытое сообщество, дистанцируемое от других акторов гражданского общества.

В социологическом анализе взаимоотношений “государство — экологическое движение” наиболее приемлемой является схема, предложенная американским социологом У.Гамсоном [7]. Он выделил две стороны процесса вмешательства того или иного социального движения в государственную политику кадров: продуцентную и субстанциональную. Первая говорит о степени формального включения протестующего в процесс принятия решений и институциональные политические структуры государства в целом. Вторая уже свидетельствует о степени принятия государственным политическим институтом целей протестующего. Комбинации этих базовых отношений дают в результате либо полный отказ от всех притязаний, либо перехват государством целей движения, либо кооптацию кадров, либо полное принятие государством целей движения.

Оценка практического участия общественности в процессе принятия экологически значимых решений на национальном и местном уровнях, проведенная с участием автора в рамках исследовательской программы “Инициатива доступа”¹, свидетельствует о продуцентном вмешательстве экологического движения в государственную политику Украины [8, с. 16–19].

Украинские экоНПО принимают участие в обсуждении проекта “Доктрины гражданского сектора”², цель которого состоит в формировании основных стандартов и принципов, определяющих взаимоотношения государства и организаций гражданского общества. В 2006 году предусмотрено создание рабочих групп в составе представителей НПО для разработки соответствующих проектов поправок к законам Украины, актов Президента и правительства, в частности по таким направлениям, как базовое законодательство, законодательство для НПО, информационное законодательство, законодательство о социальных услугах, налогообложении и регистрации НПО, разработка процедур учета интересов общественности.

Украинские зеленые подготовили детальное обоснование необходимости Указа Президента “О неотложных мероприятиях по повышению приоритетности экологической политики”, а также Концепцию “неатомного” пути развития энергетики Украины³.

Между Министерством экологии Украины и экологическим движением существует активное взаимодействие в форме общественных советов, которые действуют при Министерстве и его территориальных органах с на-

¹ Данная программа реализуется с 2000 года международной коалицией неправительственных экологических организаций из более чем 20 стран мира, инициатором и координатором которой выступает Институт мировых ресурсов (Вашингтон, США). В Украине первое исследование этой программы осуществлялось в рамках проекта общественной эколого-правовой организации “ЭкоПраво-Киев” “Сеть участия общественности в принятии решений” при поддержке Института устойчивых сообществ и финансировании со стороны Агентства США по международному развитию.

² С текстом Доктрины можно ознакомиться на сайте: <http://doktryna.civicua.org>.

³ Полный текст Концепции размещен на сайте Всеукраинской экологической общественной организации “МАМА-86”: www.mama-86.org.ua/files/nnconcept.pdf.

чала 1990-х годов благодаря высокой активности экоНПО. Создание таких советов продемонстрировало примеры реального влияния на принятие решений в экологической сфере еще до появления Орхусской конвенции¹.

Украинское законодательство по вопросам участия граждан и их объединений в процессе экологического управления предусматривает четыре формы участия в эколого-управленческих процессах: влияние на формирование экологической политики на различных уровнях и участие в принятии экологически значимых решений; общественный экологический мониторинг; инициация и проведение экологической экспертизы; осуществление общественного экологического контроля [9, с. 78]. Реализация указанных возможностей частично прямо предусмотрена в экологическом законодательстве Украины, частично основывается на других нормативных актах и является формой реализации общих прав граждан.

Однако практика реализации участия общественности в принятии экологически значимых решений в целом ограничивается Министерством экологии. Что же касается базовых отраслей экономики Украины, включая химическую промышленность, то здесь подобный опыт является скорее исключением. Институциональные возможности государства в обеспечении доступа общественности к принятию решений в экологической сфере во многом блокируются корпоративными интересами влиятельных финансово-промышленных групп, а также отсутствием нового закона о негосударственных неприбыльных организациях, который бы заменил действующий устаревший Закон Украины «Об объединениях граждан» от 1992 года.

Для анализа тенденций экологического движения в Украине после провозглашения государственной независимости целесообразно использовать положение У.Гамсона о возможности соединения социальным движением двух различных ресурсов: 1) новых политических возможностей без их формального признания и 2) таких возможностей, но уже как части институциональной политической системы.

Социологический анализ социальной практики и социальных связей в современном экологическом движении Украины позволяет выделить четыре базовых источника институциональных и креативных ресурсов экоНПО: бюджетные ресурсы, бюджетно-партийные ресурсы; поддержка местной социальной общности; международные связи. При этом если два первых источника характерны для достаточно ограниченного количества организаций, то два последних, наоборот — для преобладающей части организаций зеленых. Одновременно с этим социальная жизнеспособность каждой отдельной организации в большинстве случаев определяется харизмой ее неформальных лидеров, их креативными ресурсами и организаторскими способностями.

В качестве одного из индикаторов развития экологического движения Украины может выступать разнообразие и число сетей, которые это движение (а точнее — лидеры отдельных наиболее мощных экоНПО) устанавливает с родственными им акторами на национальном и международном уровнях.

¹ Конвенция о доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся природной среды. Ратифицирована Украиной в июле 1999 года.

За всю недолгую историю государственной независимости Украины реальный потенциал экологического движения как сетевого социального субъекта воочию продемонстрировал процесс обсуждения и последующего принятия Национального плана действий по гигиене окружающей среды (НПДГОС) [10]. Этот план соответствует требованиям европейского сообщества и на момент его начального обсуждения (1998) был одним из первых такого рода документов в Европе. Подобная инновация позволяла Украине рассчитывать на международную поддержку.

Для подготовки процесса общественных консультаций был учрежден Координационный совет (КС) — временная коалиция, основная задача которой состояла в организации консультативных семинаров для общественного обсуждения проекта официального НПДГОС по всей стране. В состав КС вошел ряд НПО и сеть их региональных организаций-партнеров.

В функции КС входило определение разделов проекта плана, по которым происходит консультирование общественности; обеспечение интереса со стороны правительства и кооперации с его представителями в консультационном процессе.

С организационной точки зрения, впервые столь оперативно в Украине была создана ситуативная коалиция экоНПО для реализации конкретной задачи. Изначально 560 организаций и физических лиц из различных секторов общества, включая различные НПО (экологические, женские, по социальной защите и охране здоровья), ученые, представители бизнеса и правительственных учреждений получили печатный экземпляр этого Плана с предложением сотрудничества. Затем 240 желающих сотрудничать приняли участие в пяти семинарах, состоявшихся в различных городах Украины. В результате общих усилий за три месяца было собрано более 700 замечаний и предложений, большая часть из которых были учтены в официальной окончательной редакции НПДГОС.

Базовые положения НПДГОС как основания переговорного процесса между различными субъектами в экологической сфере, базируются на следующих принципах.

Во-первых, максимальная конкретизация механизма выполнения: четкое формулирование конкретных целей и намеченные для их воплощения сроки с указанием конкретных исполнителей, ответственных за их реализацию. Только в этом случае экоНПО могут требовать отчета от государственных учреждений и представителей промышленности, на которых возложена ответственность за реализацию Плана.

Во-вторых, приоритетность в решении поставленных задач, связанная с лимитированием выделяемых ресурсов на реализацию комплексных экологических программ. Для мотивации активного включения в переговорный процесс его субъектов, а также для более эффективного выделения (реальных) приоритетов представляется целесообразным определение первоочередных задач со стороны всех участников НПДГОС. Везде, где это возможно, целесообразно составление сметы для каждого мероприятия и оказание соответствующего давления на правительственные органы, которые, в свою очередь, предоставляют экоНПО смету каждого запланированного действия. Если же власти не могут предоставить подобную смету на предложенные экоНПО мероприятия, то, следовательно, они не настроены серьезно претворять их в жизнь.

В-третьих, принцип “передачи полномочий”. Принятие решения и осуществление мероприятия должны быть сосредоточены на том уровне власти, который ближе всего стоит к решению данной проблемы, то есть речь идет о децентрализации управления и власти. Это является важным моментом для успеха инициатив в сфере экологической безопасности в тех странах, где централизованная модель административного управления остается чрезмерно консервативной для содействия установлению горизонтальных связей — как с партнерами из других стран, так и между территориальными структурами внутри страны.

Процесс общественных консультаций успешно доказал официальным лицам, ответственным за разработку политики, что НПО и другие общественные организации оказались способными внести высокопрофессиональный вклад в подготовку данного документа. Участие в экологических переговорах такого уровня содействовало повышению интереса и мотивации НПО для последующего участия в разработке местных и региональных планов действий. Так, активисты ряда городов, где состоялись общественные консультации, сообщили о начале переговорного процесса с органами местной власти относительно подготовки региональных и местных планов действий по гигиене окружающей среды.

Анализируя современный социально-политический контекст и собственно ресурсы экологического движения Украины, можно выделить следующие четыре стратегии его развития.

Региональная стратегия, предусматривающая союз экологического движения с политическими акторами, отстаивающими региональные приоритеты в борьбе с центром. Предпосылкой для распространения данной стратегии является локальный масштаб деятельности большинства экологических организаций Украины, а также идентификация жизни территориальных сообществ с местом своего обитания, малой родиной, или, на социологическом языке, локальная гражданская идентичность. Региональная стратегия имеет шансы на достаточно массовую поддержку со стороны местного населения и региональной элиты, располагающей необходимыми ресурсами для реализации данной стратегии. Однако следует признать, подобная стратегия чревата политическими конфликтами, поскольку региональная элита будет стремиться к приоритету местных интересов над национальными. Это особенно актуально в контексте публичного дискурса о целесообразности федеративного устройства Украины и активизации центробежных тенденций в АР Крым и Донбассе.

Стратегия политического союза с одной из партий зеленых, конкурирующих на парламентских выборах за представительство в высшем законодательном органе Украины. Как показали парламентские выборы 1998 года, Партия зеленых Украины (ПЗУ) прошла в Верховный Совет фактически в условиях изоляции со стороны экологического движения, а значит вообще в нем не нуждалась [6, с. 159–160].

В начале 2002 года в Украине было официально зарегистрировано семь политических партий экологической направленности, из которых пять были связаны с деятельностью ПЗУ, а две находились в оппозиции к ней. Подтверждением малоэффективности подобного “клонирования” стали парламентские выборы 2002 года, по результатам которых ПЗУ не преодолела четырехпроцентный барьер для прохождения в парламент. Несмотря на сни-

жение проходного барьера до трех процентов и значительные финансовые вливания в предвыборную кампанию 2006 года, ни одна из четырех экологических партий так и не прошла в парламент¹.

Поражение на двух последних парламентских выборах всех политических партий под экологическими лозунгами свидетельствует о кризисе доверия избирателей к этим силам, а не об “охлаждении” чувств по поводу остроты экологических проблем в стране.

Общенациональный социологический мониторинг Института социологии НАНУ “Украинское общество” фиксирует постепенное сокращение сторонников экологического политического течения с 5,2% в 2002 до 2,1% в 2006 году. При этом следует учесть два обстоятельства. Во-первых, даже при отрицательной динамике численность сторонников экологического политического течения превышает число избирателей политических партий экологической направленности. Во-вторых, сокращение количества сторонников экологической идеологии не в последнюю очередь является следствием малоэффективности деятельности указанных партий².

Рефлексией экоНПО на необходимость парламентского представительства экологических интересов является заявление более чем десяти организаций относительно эколого-социального содержания программ политических партий, принявших участие в парламентских выборах 2006 года. Подписавшие заявление организации зеленых намерены влиять на партийные программы и стимулировать экологизацию политики развития Украины [11, с. 6–7].

В любом случае экологическое движение при выборе такой стратегии будет занимать в этом политическом союзе подчиненное место, что означает его ресурсозависимость и отступление от собственных целей.

Охранительная стратегия, предполагающая сохранение статус-кво в экологическом движении, стабилизацию сети своих организаций путем активного привлечения западных доноров, а также отказ от радикальных массовых действий. Экологические организации все в большей степени приобретают репутацию респектабельного социального неполитического актора, имеющего статус группы профессионалов и экспертов, способных к продуктивному сотрудничеству с государством и муниципальными структурами³.

За последнее десятилетие в Украине произошла рационализация гражданского экологического действия: значительная часть национального экологического движения трансформировалась в сеть крупных экоНПО, действующих по западным стандартам.

¹ Четыре экологические партии под экологическими “вывесками” в совокупности получили поддержку 378817 избирателей, что составило 1,48% от общего числа проголосовавших.

² Примечательна реплика одного из активистов экологического движения, высказанная на круглом столе с участием представителей экоНПО после парламентских выборов 2006 года: “На этих выборах, несмотря на многочисленность в избирательном списке партий и блоков с “зелеными” названиями, мы не могли проголосовать ни за одну из них”.

³ Одно из подтверждений тому — поддержка рядом экологических НПО строительства глубоководного канала в устье Быстрое на территории Дунайского биосферного заповедника.

Опора на фандрайзинг как на главный источник ресурсов может привести к потере движением своей идентичности: движение постепенно превращается в сеть организаций, связанную с западными НПО¹. Существование и деятельность многих организаций зависит от того, каким будет размер финансирования, в частности со стороны правительства США, как наибольшего донора украинских НПО в рамках программы поддержки гражданского общества в Украине.

Можно согласиться с выводом российского социолога О.Яницкого о том, что “зависимость от западной помощи, систематическая работа по грантам и, следовательно, обретение относительного материального благополучия по сравнению с остальной массой населения — все это привело к длительной политической демобилизации экологов и зеленого движения в целом” [12, с. 291].

Для рассматриваемой стратегии массовой базы не требуется, поскольку необходим постоянный персонал и устойчивые межличностные контакты в государственных научных и деловых кругах. Именно эта стратегия является наиболее вероятной для экологического движения Украины в обозримом будущем.

Сопровождающая стратегия, нацеленная на соучастие в разработке и реализации экополитической стратегии государства как охраны природы. В экологическом движении преобладает природоохранное крыло, лидеры которого неохотно вовлекаются в политику, тогда как политически ориентированное крыло выражено довольно слабо. При этом экологические активисты в своем большинстве понимают экологическую политику прежде всего как охрану природы, не соотносящую с политическими реформами в целом.

Эта стратегия уже частично реализуется отдельными экологическими организациями (Всеукраинская экологическая лига, Национальный экологический центр Украины). Учитывая существование сети негосударственных аналитических центров в Украине, создание веб-портала украинских “мозговых центров” в Интернете, вполне целесообразно привлекать на постоянной основе экологические общественные организации к выполнению соответствующих государственных программ в рамках участия данных центров.

По отношению к предыдущей стратегии эта предполагает более глубокую интеграцию экологических организаций в деятельность государственных структур — непосредственно, путем участия в разработке конкретных природоохранных программ и соответствующего законодательства. Типичным примером этого является создание ранее упомянутых общественных советов (ОС) при Министерстве экологии и его областных подразделениях. Главная функция ОС задекларирована как обмен информацией между украинскими экоНПО и профильным экологическим министерством. Другой важной функцией ОС является участие общественности в принятии решений путем подачи предложений, совместного с органами государственной власти обсуждения вопросов экологической политики, организации общественных слушаний.

¹ Согласно исследованию Творческого центра “Каунтерпарт” в 2004 году 70% финансовых поступлений украинских НПО составляли средства иностранных доноров (Зеркало недели. — 2006. — 29 апреля).

Такая стратегия также способствует укреплению сети экоНПО, их профессионализма и обеспечению необходимыми ресурсами. Однако движение как форма коллективного социального действия практически прекращает свое существование, протестные акции становятся редким исключением, движение как таковое теряет свою социально-политическую идентичность¹. Движение трансформируется в сеть экспертных и консалтинговых фирм, частных организаций. Причем часть из них теряет свой неприбыльный характер, а значит и статус собственно общественной организации экологического профиля.

Такая стратегия не имеет риска для движения, поскольку деятельность подобных организаций приобретает полностью легитимный и соответствующий интересам государства характер². В целом это отвечает общему уровню осознания населением проблем “общества риска” и, соответственно, государственной политики развития системы организаций, призванных нейтрализовать возникающие риски природного и техногенного происхождения. Что касается рисков социогенного характера, то они продолжают оставаться вне среды интересов современного экологического движения Украины.

Обобщая результаты исследования феномена украинского экологического движения как ассоциативной группы интересов, следует заметить, что принципиально важным для перспектив возрастания роли экоНПО в процессе институционализации экологических интересов в обществе социогенных рисков остается осознание самими “зелеными” собственного места в экологизации такого общества.

У современных зеленых Украины существует два принципиальных пути последующего развития. Первый, когда экологическое сообщество мобилизует собственный ресурсный потенциал (разработка идеологии, организационное укрепление, вовлечение новых членов), и другой, когда экоНПО стремятся внести проэкологические социальные изменения в украинское общество путем общественной или социально-политической деятельности.

Экономические трудности повседневной жизни многих простых украинцев, и, как следствие, снижение общественного внимания к экологическим проблемам не снимают с повестки дня вопрос улучшения качественного состояния многих экоНПО как главных носителей экологических интересов населения. Реализация подобных интересов с необходимостью требует консолидации экологического сообщества, соответствующей координации действий зеленых на общенациональном и местном уровнях. Саморегуляция в экологическом движении должна стать базовым принципом координации деятельности между отдельными объединениями зеленых, организации и проведения совместных социально-экологических акций. Успех экологиче-

¹ Лидеры экологических организаций достаточно неоднозначно оценивают сотрудничество ОС с государственными природоохранными органами. В частности, в интервью с автором этой статьи руководители ряда организаций указали на “скорее формальный характер” и малоэффективность подобного сотрудничества, поскольку позицию их организаций “мало принимают во внимание”.

² Не случайно, по мнению бывшего министра экологии С. Курыкина, основная функция экологического движения должна сводиться к экологическому просвещению, тогда как собственно функция участия в принятии экологически значимых решений просто не упоминается руководством профильного министерства.

ского движения на уровне гражданского общества должен мыслиться в терминах демократизации ценностей, норм и институтов, которые, в конечном счете, внедряются в политическую культуру населения Украины.

Литература

1. Dalton R. The Green Rainbow: Environmental Interest Groups in Western Europe. — New Haven, 1994.
2. Стегний О. Институціоналізація екологічних інтересів у суспільстві соціогенних ризиків. — К., 2002.
3. Штрихи к портрету общественного движения за охрану дикой природы в Украине // Збереження біорізноманіття й заповідна справа. — 1998. — № 5. — С. 7–8.
4. Более детально о важности “предшествующего активизма” и “экологической плотности”, то есть концентрации единомышленников для мобилизации социального движения см.: McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social Movements // Smelser N.J. (ed.) Handbook of Sociology.— Newbury Park, 1988. — P.695–737.
5. Стегний О. Неурядові екологічні організації України: сучасний стан і перспективи розвитку (за результатами національного соціологічного опитування). — К., 1996.
6. Стегний О. Екологічний рух в Україні: соціологічний аналіз. — К., 2001.
7. Gamson W.A. Social Movements and Cultural Change // From Contention to Democracy / Ed. by M.G.Giugni, D.McAdam, Ch.Tilly. — New York, 1998. — P.57–77.
8. Оцінка доступу до інформації, участі у прийнятті рішень та правосуддя в Україні: Аналітичний огляд. — К., 2004.
9. Управління у сфері охорони довкілля та природокористування в Україні: проблеми та шляхи вирішення. — К., 2003.
10. Stegnyy O. Conditions for Environmental Agreements in Ukraine // Voluntary Environmental Agreements: Process, Practice and Future Use / Ed. by P.Brink. — London, 2002. — P.228–239.
11. Заява українських неурядових організацій щодо еколого-соціального змісту програм політичних партій, які беруть участь у виборах 2006 року // ЕкоМама. — 2005. — № 2. — С. 6–7.
12. Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика). — Новосибирск, 2002.